

Необычная встреча

*Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора.*

Это, конечно, было глупо, и, наверное, чудо, что я остался жив. Да, надо прислушиваться к советам местных жителей, особенно в более диких регионах Израиля. Но все же я не сожалею о своем приключении.

Я пребывал у своего друга Моше в Иерусалиме, а поскольку ему надо было съездить в Беэр Шеву, в тамошнюю новую ортодоксальную школу, - он работает в администрации той сети школ, - я решил использовать подвернувшуюся возможность бесплатно поехать в Негев, южный регион Израиля. Так я поехал с ним. Сам Моше, конечно, был занят, но он обещал попросить одного из местных жителей провести меня по достопримечательностям и вообще позаботиться обо мне.

Но когда мы прибыли на место, после езды с головокружительной скоростью, - похоже, все водители на том шоссе были неудавшимися летчиками и только и желали, что гнать машины на опасных поворотах над обрывами, - оказалось, что тот знакомый уехал на весь день.

- Слушай, - сказал Моше, - мне очень жаль, но я просто обязан идти по своим делам, в школе меня ждут. Ты устал с дороги, а скоро станет очень жарко. Думаю, что тебе стоит немного прогуляться по округе, любой прохожий укажет тебе, где находятся знаменитые Колодцы Авраама. Затем иди в гостиницу и хорошенько отдохни. Но ради бога, не выходи на улицу в жару! Эту ошибку совершают все туристы. Затем примерно к трем часам спроси дорогу к дому раввина. Он очень интересный человек, тебе понравится с ним беседовать. А я подъеду к тебе туда, когда покончу со своими делами. Тогда у нас еще останется часок-другой на достопримечательности, пока не стемнеет. А пока что - до свидания! - и уехал.

Я, конечно, был не рад, что там говорить... Застрясть здесь без дела на много часов! Да и эта идея дневного отдыха была совсем не по мне. Это подойдет тем, что встали рано и уже успели нагуляться за целое утро. Такие, возможно, и могут себе позволить отключиться в два часа дня на весь оставшийся день или взять перерыв с двенадцати до трех. Но я заплатил большие деньги за поездку, и буду терять драгоценные часы?!

Скоро мне надоело просто сидеть в удобном кресле. И тогда я припомнил, что один мой старый знакомый из Англии жил в поселении близ Беэр Шевы. И когда спросил, где это, мне сказали, что совсем недалеко - меньше трех километров по шоссе и только полкилометра в сторону. Похоже было, что это место найти легко. Всего лишь полчаса ходьбы? Я же мог сходить туда и обратно еще до того, как Моше закончит со всеми своими делами!

Необычная встреча

И вскоре я был в пути. Какой вздор все эти страшилки о жаре! Тут просто тепло и приятно, как в Англии в солнечный летний день. А какой пейзаж! Слева хребет ха хребтом холмов, вздымающихся в сторону региона Йефуды. Справа отдельные холмы, а между ними – потрясающий вид в бесконечную даль. А самое лучшее – кругом ни души, и ни с кем и ни о чем не надо говорить! Наконец-то я мог представлять себе сам все, что захочу. Праотцов, пасущих свои стада на этих самых холмах. Авраама, приветствующего гостей, прибредших по этому древнему караванному пути...

Как раз тогда Авраам был у меня на уме. В предыдущий вечер мы о нем довольно много говорили. Захава – то есть, жена Моше, - тоже учительница (как и большинство здешних молодых женщин нашего круга), и она упомянула некоторые вопросы, из тех, что задают ей девочки. Да уж, эти израильские детки весьма умны, надо признать, и на их вопросы отнюдь не всегда просто ответить. Мы обсуждали разные комментарии, и на каком-то этапе я заметил:

- Хотел бы я спросить самого Авраама, что было на самом деле.

И Моше – он всегда отпускает дурные шутки – не замедлил ответить:

- Не торопись, ты и так его скоро встретишь...

Очень забавно!

И все же хотел бы я встретиться с Авраамом. Хотя бы затем, чтобы он дал мне воду и тень. Становилось жарковато, а свет – слишком ярким для меня, - я не захватил с собой солнцезащитные очки, сам не знаю, почему. Да и я уже устал. Я шагал уже час, и не повстречал на своем пути ни одного поселения, достаточно близкого к дороге, чтобы люди в гостинице могли иметь в виду его.

Да и поворотов и развилок было гораздо больше, чем описывали мне те люди. Проблема в том, что я говорю на иврите, как израильтянин или, по крайней мере, не хуже какого-нибудь жителя Меа Шеарим, который просто пожил некоторое время в Америке, а иммигранты в этих местах сами не особенно сильны в иврите, и потому принимают меня за израильтянина. Наверное, поэтому никто не побеспокоился поведать мне обо всех этих тонкостях.

Мне очень хотелось где-нибудь остановиться и немного отдохнуть. Но на тот момент кругом было ни капельки тени, ни поселения, ни души. Нет, постой! Что-то все-таки было: верьте или нет, бедуинский лагерь! Мне были отчетливо видны черные палатки, довольно много их, менее полумили дальше по дороге, слегка слева, - и овцы, тоже много их, по всему склону холма, большинство лежало, похоже, пережевывая жвачку. Что ж, можно было зайти в этот лагерь и испробовать их знаменитое гостеприимство. Столь близко к городу и днем они должны были быть дружелюбны.

Я ускорил шаг, - точнее, попытался это сделать, - мои ноги плохо подчинялись. Меня все-таки одолевала жара. Вовремя я добрался до этого места. Похоже, что и они меня заметили. По направлению ко мне побежал мальчик лет примерно четырнадцати. Он выглядел весьма по-еврейски, понимаете, без всякого такого высокомерия во взгляде, какое встречается у городских арабов, что я видел. Может быть, такими они выросли. И он не был одет в белую рубашку и не носил головное покрытие, как те арабы. Вообще, я еще ни разу не видел такого рода одежду, кроме как на картинках в какой-то книге по археологии – Египта что ли? Да, наверное, Египта, если судить по форме той картины:

Необычная встреча

длинная вереница людей, мужчины, женщины и дети, все одеты более-менее одинаково в облегающие длинные наряды, белые, с узорными пятнами или цветочками. Вот такого рода одежду и носил этот мальчик, а также и огромное головное покрытие, которое спадало ему на плечи и руки, довольно похоже на *талит*... Да уж, подумал я, столько в Израиле самых разных людей, даже и не знаешь, с кем в следующий раз повстречаешься.

Он подошел ко мне и глубоко поклонился до земли, одним большим движением, очень по-восточному и по-старомодному очаровательно. А затем заговорил. Его речь звучала весьма по-арабски, была полна гортанных звуков, но я быстро понял, что он говорил на иврите. Но не на современном иврите, не тот стиль, понимаете, а скорее на классическом, правильнее назвать, библейском, хотя и использовал ряд слов, которые я не знал из Библии, и значение которых мне пришлось угадывать.

И тогда я вспомнил, что было написано под той картинкой: «Семиты, приносящие дань». Возможно, конечно, то было с жары, но говорю вам, с того момента меня уже ничего не удивляло.

А мальчик произносил довольно длинную, витиеватую, с украшениями речь, суть которой сводилась к тому, что я, его господин, доставил бы великую честь его деду – Хахаму, или как его там, - соизволив зайти к нему в палатку и отведать то скромное угощение, что он мог мне предложить. Этот дед был, похоже, очень стар и весьма опечален тем, что не мог сам выйти и поприветствовать меня подобающим образом.

Ну, что я вам говорил? Классическое восточное гостеприимство во всей своей красе.

Я постарался ответить как можно ближе к соответствующему стилю и пошел с мальчиком. Точнее, я бред, частично опираясь на него, потому что он заметил мое состояние и настоял на том, чтобы предоставить мне поддержку. И добрались в конце концов до большой палатки, - это был прямо-таки павильон: покрывало было поднято на шестах так, что изнутри открывался вид на все четыре стороны. И там сидел этот Хахам, величественный, но дружелюбный человек с седой бородой, одетый в отшитый золотом дамастовый халат. Как только я вошел, он встал со своего обитого слоновой костью дивана и, прежде чем я успел раскрыть рот для приветствия, глубоко поклонился. Закончив с приветствиями, он предложил мне устроиться поудобнее на диване, который, на ощущение казался сделанным из поролона, но на самом деле был наслоением пледов из бараньих шкур. Внесли питье – мне больше всего понравилась прохладная пахта, которую наливали из кувшина, хранившегося внутри одной из огромных пористых глиняных бочек. А когда увидели, что я все еще не пришел в себя, то принесли мне влажное головное покрытие и отвели в небольшую палатку отдохнуть.

Вскоре я вновь был полон сил. Мальчик привел меня в палатку-умывальную – «омыть ноги». Я использовал возможность хорошенько умыться водой, которую он мне сливал. Затем мы вновь пошли в палатку приемов, где до трапезы я остался наедине с хозяином, - он меня упрашивал остаться если не на ночь, то по крайней мере на трапезу и пока не спадет солнце, и я с благодарностью согласился. Я совершенно забыл о своем соглашении с Моше. Вообще, я забыл обо всем на свете, кроме этого чуда улыбки старика и совершенно необычайной с ним беседы.

Сперва я был скован – что для меня весьма необычно. Надо признать, я был весьма под впечатлением от великолепия хозяина. Еще никогда я не видал такой сияющей и

Необычная встреча

дружелюбной улыбки. Вообще-то я в целом не подвержен глубоким эмоциональным впечатлениям и переживаниям. Но когда он полностью обратил на меня свой взор, то те глаза – они как-то наполнили меня всего одним большим светом добра и любви. И я помню, как подумал: «Вот какой, наверное, взгляд у ангелов – или праотцов».

Но очень скоро мальчик принес вино, в примитивных на вид кожаных фляжках, и после первых нескольких глотков я начал чувствовать себя более расковано. Хорошее было вино, даже отличное, несмотря на легкий привкус кожи. И я начал все более втягиваться в беседу, которая до тех пор была несколько односторонней. Хозяин, чье имя я не очень схватил – Ибрагим или что-то в этом роде – повел беседу к тому, что меня в тот момент больше всего интересовало. А это был вопрос об Аврааме, о котором я раздумывал. Вообще, возможно, в связи с местоположением, как раз с того утра этот вопрос маячил передо мной на переднем плане. Видя, что хозяин, очевидно, был важный Хахам какой-то кочевнической еврейской общины, я решил представить ему этот вопрос. Кто знает, подумал я, он может предложить оригинальный взгляд на это дело, такое часто бывает с подобными людьми не от мира сего.

А получил я нечто совершенно неожиданное, что даже сегодня я не в состоянии объяснить – или забыть...

Я задал свой вопрос. Я рассказал ему, что не мог понять, почему наш праотец Авраам, который рисковал жизнью и поставил себя в почти безнадежную ситуацию, чтобы спасти племянника Лота от Четырех царей, тем не менее и пальцем не пошевелил, когда его собственная жена была схвачена сначала фараоном, а потом и Авимелехом.

Реакция хозяина на этот невинный вопрос потрясла меня и повергла в шок. Эти глаза были вновь обращены ко мне, но на этот раз, взглянув вглубь, я увидел в этом взгляде сверкание, похожее почти на гнев – тот взгляд, казалось, пронизал меня и сжигал изнутри.

И хозяин заговорил. Его голос исходил как будто издалека, но нельзя было не уловить его страстность и интенсивность.

- Бороться с фараоном?! – сказал он, - умереть в борьбе за мои права?! За мою честь?! - в голосе послышалась глубокая ирония, - Это может сойти за благородство у филистимлян или других диких народов. Но тот, кто живет по принципам Б-га, тот не умирает за достоинство и честь. Можно молиться, можно страдать, если надо, принимая Б-жий суд, но – выживать! С жизнью можно сделать нечто гораздо более полезное, нежели памятник собственной чести.

Но Лот, - продолжил тот голос, которым я был прикован к месту, парализован, но сердце дико билось. – Лот – я призываю в свидетели небо и землю, что его он освободил с никакой другой целью, кроме как честь Б-га! Пожертвовать жизнью во имя правды и справедливости – вот это истинно благородный поступок, - чего большего может сделать человек! В этом и заключается цель жизни человека в этом мире – вы слышите?

Казалось, что он почти гневается. Его слова обрушились на меня с такой силой и чувством, что он как будто кричал на меня издалека...

Должно быть, я в помешательстве вскочил и выбежал из палатки, ибо следующее, что я помню, - это яркий свет, режущий мне глаза, а в этом свете показались с полдюжины фигур с ружьями.

Необычная встреча

- Вот он! – раздался голос.

И они столпились вокруг меня, а один из них с повязкой Красного Щита Давида на руке ощупал мой пульс.

- В чем дело? – спросил я в замешательстве. – Оставьте меня в покое!

Я говорил по-английски, а ответил Моше.

- Успокойся, старина, мы тебя скоро приведем в порядок. У тебя был солнечный удар, но раз ты выжил до сих пор, теперь уже все будет хорошо. Какого дьявола ты лег спать под открытым небом?

- Под открытым небом?! Я все время был в палатках, и они хорошо обо мне заботились, говорю я вам!

- В палатках? – недоверчиво спросил Моше. – То есть у тех бедуинов там, у дороги? Но они клялись, что нигде тебя не видели, и я уверен, что это правда. Они бы тебя не отпустили в таком состоянии, это противоречит их принципам. Представить себе не можешь, что у меня тут творились, пока ты пропадал. Полицейские часами все объезжали, пока мы тебя не заметили.

И так далее. По словам Моше, я свалился у дороги, и все остальное мне приснилось. Другие были того же мнения. Только врач был на моей стороне. Он был весьма поражен тем, как быстро я полностью поправился, но даже и он говорил только, что если у меня и был солнечный удар, то уже все прошло, и он не мог распознать ни одного симптома. И действительно, я дошел до джипа сам, чувствуя себя прекрасно, хотя я и был благодарен за одеяло, которое они мне дали, - ночь была весьма холодной.

К тому времени, когда я вернулся в свой гостиничный номер со знакомым электрическим светом и всеми удобствами, я сам был почти готов принять их версию произошедшего. Весь этот эпизод начал казаться совершенно нереальным, и мне трудно было объяснить его даже самому себе. Я определенно предпочел бы списать все это на солнечный удар и позабыть об этом – насколько возможно...

Но тогда, сидя на кровати, я обнаружил, что сжимаю что-то в руках. Это была своеобразная кожаная фляжка для вина. Потом я отнес ее к знакомому археологу. Он весьма обрадовался этой находке и сказал, что она похожа на те фляги, что использовали в Кнаане во втором тысячелетии до нашей эры – то есть, во времена Авраама. Он убедил меня позволить ему отослать эту флягу на радиоуглеродный анализ для датирования, но был ужасно огорчен, что я не мог ему четко объяснить, как она попала ко мне в руки. Да честно говоря, я и сам не знаю, что бы все это значило...

*O. Y. Baddiel
London, England*

*О. И. Баддиль
Лондон, Англия*

Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.

Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.